Самохин Андрей Владимирович – канд. ист. наук, заместитель директора по научно-методической работе Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, филиал (г. Хабаровск). Тел.: (4212) 30 50 94

Военно-политические планы И.В. Сталина в Корейской войне

Статья посвящена проблеме роли СССР в Корейской войне 1950 – 1953 гг., получившей противоречивую оценку в отечественной историографии.

Ключевые слова: военно-политическое противостояние, война в Корее, советско-китайские отношения, советско-корейские отношения.

В июне 2010 г. исполнилось 60 лет со дня начала войны в Корее. На данный момент в отечественной историографии одной из спорных является проблема целей СССР в этой войне.

На протяжении первых послевоенных лет в основе внешней политики СССР лежало военно-политическое противостояние с США, поэтому участие Соединенных Штатов в периферийных военных конфликтах было чрезвычайно выгодным для Советского Союза. На Дальнем Востоке в этом противостоянии ведущую роль И.В. Сталин отводил Китаю [1]. На протяжении всего периода Гражданской войны глава Советского государства прилагал определенные усилия, чтобы сохранить США как непосредственного участника конфликта между гоминданом и компартией [2]. После образования Китайской Народной Республики (КНР) и подписания советско-китайского договора в 1950 г. возможность военного столкновения США уже с новым, коммунистическим Китаем также сохранилась.

Узлом американо-китайских противоречий стал остров Тайвань, на котором укрепился (с помощью Соединенных Штатов) режим Чан Кайши. Вопросы военной операции по захвату острова стали предметом обсуждения между И.В. Сталиным и Мао Цзэдуном в ходе советско-китайских переговоров 1950 г. [З. Ф. 3. – Оп. 65. – Д. 364. – Л. 73]. Однако к этому времени вектор военно-политического противостояния с США для советского лидера начал смещаться в другую часть Дальнего Востока – Корею. Дело в том, что к маю 1950 г. глава Советского правительства осознал невозможность столкновения КНР и США в борьбе за контроль над Тайванем.

Во-первых, он окончательно убедился, что без достаточной поддержки с воздуха говорить о высадке десанта на Тайване не приходится, а в ближайшее время (даже с помощью СССР) КНР не смог бы наладить выпуск необходимого количества самолетов. Дело в том, что 3 апреля в Москве получили письмо руководителя группы советских авиаспециалистов, которая в течение семи предыдущих месяцев занималась обследованием заводов и мастерских, принадлежавших Военно-воздушным силам Китая. В письме

было сделано заключение, что условия даже для самого минимального серийного производства самолетов и моторов не созданы [4. Ф. 8044. – Оп. 1. – Д. 2064. – Л. 181 – 183]. Вывод для советского руководителя был однозначный: в это время армия КНР была не готова штурмовать Тайвань. Это понимало и руководство нового Китая. Оно официально перенесло нападение на Тайвань на весну – лето 1951 г., в то время, как ранее планировалась высадка десанта летом 1950 г. [5. Ф. 07. – Оп. 22. – Д. 220. – П. 36. – Л. 62 – 63].

Во-вторых, важным фактором изменения позиции И.В. Сталина стали усилия Соединенных Штатов по восстановлению военного потенциала Японии. В мае 1950 г. в Москве был получен доклад представителя в советской части Союзного Совета для Японии. В нем приводились многочисленные факты, которые однозначно свидетельствовали о том, что США начали возрождение военного потенциала Японии с целью использовать его против СССР и КНР [6. Ф. 17. – Оп. 37. – Д. 415. – Л. 1 – 112].

В-третьих, немаловажным фактором стало стремление самих корейцев как в Корейской Республике, так и в Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР) к объединению страны военным путем.

Таким образом, война в Корее началась не столько в результате соперничества двух корейских режимов, сколько в результате советско-американского военно-политического противостояния. Столкновение США и КНР в Корее стало главной целью для И.В. Сталина. В случае удачи объединения Кореи под властью Ким Ир Сена США теряли военный плацдарм на континенте. Если бы США вмешались в войну, то они втянулись бы в длительную военную авантюру, и в этом случае вступление КНР в военный конфликт становилось почти неизбежным. В любом случае СССР оставался в выигрыше.

В отечественной историографии существует мнение о том, что в ходе долгого визита Мао Цзэдуна в СССР и был решен вопрос о продвижении Ким Ир Сена на юг корейского полуострова [7. С. 69]. Однако, как показывают официальные документы, этот вопрос не поднимался во время советско-китайских переговоров. Мао Цзэдун предлагал только обсудить эту проблему и все. Эти беседы проходили на неофициальном уровне, и понимать их нужно как обмен мнениями и не более. Кроме того, особого стремления помогать корейцам китайский лидер не высказывал [3. Ф. 45. – Оп. 1. – Д. 329. – Л. 9 – 17, 40 – 49].

На самом деле, вопрос объединения Кореи военным путем был поднят Ким Ир Сеном. 19 января 1950 г. в Кремль поступило сообщение из Пхеньяна. Советский посол Т.Ф. Штыков докладывал: «Вечером в китайском посольстве в связи с отъездом посла проходил прием. Во время его Ким Ир Сен сказал мне следующее: «… теперь, когда освобождение Китая завершается, на очереди стоит вопрос освобождения Кореи. *Мао сказал, что наступать на Юг не надо. Но если Ли Сын Ман будет наступать, тогда надо переходить в контрнаступление* (далее курсив мой – С.А.). – И далее

мой собеседник заметил, что Ему, Ким Ир Сену, нужно побывать у Сталина и спросить разрешения на наступление для освобождения Южной Кореи. *Мао обещал помощь, и он, Ким Ир Сен, с ним встретится.* Ким Ир Сен настаивал на личном докладе Сталину о разрешении наступать на Юг с Севера» [3. Ф. 45. – Оп. 1. – Д. 346. – Л. 7]. Советский лидер не стал спешить с ответом. Только после того, как окончательно стали ясны все нюансы советско-китайского договора, 30 января из Москвы от И.В. Сталина в Пхеньян была отправлена шифровка: «Сообщение от 19 января 50 года получил. Такое большое дело нуждается в подготовке. Дело надо организовать так, чтобы не было большого риска» [3. Ф. 45. – Оп. 1. – Д. 346. – Л. 27]. И только после приезда делегации КНДР во главе с Ким Ир Сеном в Москву 8 апреля 1950 г. этот вопрос начал решаться.

Хотя глава КНДР убеждал И.В. Сталина, что Корею можно быстро объединить путем проведения скоротечной военной кампании, советский руководитель предварительно решил прозондировать позицию Мао Цзэдуна. Чтобы быть уверенным в том, что Китай поддержит нападение на Южную Корею, 14 мая 1950 г. И.В. Сталин отправил шифровку, в которой говорилось, что «… вопрос должен быть решен окончательно китайскими и корейскими товарищами совместно, *а в случае несогласия китайских товарищей, решение вопроса должно быть отложено до нового обсуждения*» [6. Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 334. – Л. 55]. Таким образом, дело объединения Кореи упиралось в согласие Китая. 15 мая советский посол в КНР сообщил, что план корейцев поддержан, и что Мао Цзэдун готов оказать необходимую военную помощь. Таким образом, только в середине мая И.В. Сталин смог, наконец-то, принять окончательное решение.

В отечественной историографии высказывались различные версии о том, что заставило И.В. Сталина дать согласие на объединение Кореи в 1950 г., хотя до этого он категорически отвергал любые подобные предложения корейской стороны. По одной версии – это появление у Советского Союза собственного ядерного оружия (успешные испытания первой ядерной бомбы были проведены в СССР в августе 1949 г.) и убеждение И.В. Сталина в том, что Вашингтон не решится ввязаться в конфликт, в котором участвует еще одна ядерная держава. Согласно другой, на решение советского лидера повлияла изменившаяся международная обстановка после победы китайских коммунистов над Чан Кайши. И.В. Сталин считал, что Вашингтон, оставив на произвол судьбы Чан Кайши в межкитайской войне, не решится ввязаться в межкорейскую. Третья версия делает упор на заключение советско-китайского договора, который укрепил позиции коммунистов в Азии, и в результате этого произошло разделение сфер ответственности в международном коммунистическом движении между Советским Союзом и молодой, но быстро набиравшей авторитет Китайской Народной Республикой. Отказ И.В. Сталина поддержать стремление Ким Ир Сена к объединению страны на фоне только что победившей китайской революции мог быть истолкован как сдерживание Москвой революции на Востоке. Это могло пошатнуть авторитет советского руководителя как лидера

коммунистического мира, ослабить его влияние на колониальные и полуколониальные страны Востока и еще больше поднять престиж Мао Цзэдуна [8. С. 17 – 23 ; 9. С. 97 ; 10. С. 48 – 49 ; 17. С. 55].

На наш взгляд, ни одна из выдвинутых версий не может быть признана полностью удовлетворительной по следующим основаниям. Во-первых, И.В. Сталин прекрасно знал о том, что серийное создание атомных зарядов в стране только началось. В рассматриваемый период, по оценкам американской разведки, к середине 1950 г. Москва могла обладать 10 – 20 атомными бомбами (на самом деле их было еще меньше), а к середине 1954 г. их количество могло достигнуть 200 единиц [12. С. 126]. В то же самое время, Советский Союз взял курс на создание межконтинентальных баллистических ракет, и потому вопрос времени был очень важен для страны. Кроме того, американский атомный арсенал имел к июню 1950 г. до 298 бомб, а самолетов-носителей – 250 [13. С. 516]. Как видим, расстановка сил была явно не в пользу СССР.

Во-вторых, И.В. Сталин был уверен в том, что США обязательно вступят в войну в Корее. Еще 24 сентября 1949 г. вопрос о Корее рассматривался в Политбюро ЦК ВКП(б). Тогда было решено, что вторжение КНДР на Юг нецелесообразно. Одной из причин стало то, что США могли обратиться в ООН с предложением о посылке своих войск в Южную Корею [6. Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 1078. – Л. 133 – 141]. Как видим, уже тогда в СССР прекрасно понимали, что вторжение американских войск возможно под флагом Организации Объединенных Наций.

За несколько дней до начала конфликта военный министр США Джонсон, начальник штаба, генерал Брэдли и бывший тогда советником госдепартамента США и возглавлявший Управление стратегических служб Даллес совершили специальную поездку в Японию, где они провели совещание с генералом Макартуром о возможных военных действиях. Сразу же после этого Даллес выехал в Южную Корею, где ознакомился с состоянием южнокорейских войск в районе 38-й параллели. На заверения сопровождавших его южнокорейских офицеров, что враг будет «наголову разбит еще до того, как перейдет границу», он заявил, что, если им удастся продержаться хотя бы две недели после начала боевых действий, «все пойдет гладко». Выступая 19 июня 1950 г. в Национальном собрании в Сеуле, Даллес одобрил подготовку войск к военным действиям и заявил, что США готовы оказать необходимую моральную и материальную поддержку Южной Корее в ее борьбе против северокорейцев [14. С. 57]. «Я придаю большое значение той решающей роли, которую ваша страна может сыграть в великой драме, которая сейчас разыграется,» – написал Даллес Ли Сын Ману перед отъездом из Сеула [15]. Естественно, что такие заявления не могли вызывать сомнений у И.В. Сталина относительно намерений США в Корее.

Более того, Советский Союз сделал все, чтобы не препятствовать развитию конфликта. Дело в том, что 13 января 1950 г. СССР вышел из Совета Безопасности ООН, воспользовавшись как предлогом тем, что США и их сторонники отказались допустить в ООН представителя КНР. «Эта

кардинальная русская ошибка открыла пять месяцев спустя путь к объединению ООН против атаки на Южную Корею», — писал в своих мемуарах Д. Ачесон [16. С. 85]. Таким образом, эти действия расценивались американской стороной как политическая ошибка.

В советской и российской историографии этот шаг считается крупным дипломатическим просчетом И.В. Сталина. Однако А.А. Громыко утверждает, что глава Советского правительства сам отверг его предложение принять участие в работе Совета Безопасности, чтобы иметь возможность наложить вето на любое решение, которое могло бы противоречить интересам корейского народа [17. С. 207]. Кроме того, когда 25 июня Совет Безопасности ООН собрался, чтобы обсудить проект резолюции, представленной США и призывающей к коллективным действиям против КНДР, советский представитель (по указанию Москвы) бойкотировал это заседание. Но уже после начала Корейской войны и вмешательства в нее США Правительство СССР сочло необходимым возобновить свое участие в Совете Безопасности, и 1 августа 1950 г. советский представитель занял в нем свое место. Таким образом, это подтверждает наше утверждение, что глава Советского государства не хотел никоим образом препятствовать развитию корейского конфликта.

Впоследствии И.В. Сталин в своей телеграмме руководителю Чехословакии К. Готвальду от 27 августа 1950 г. так объяснял, почему СССР бойкотировал заседание Совета Безопасности ООН, на котором Северная Корея была объявлена страной-агрессором: «*После нашего ухода* (из Совета Безопасности – А.С.) *Америка впуталась в военную интервенцию в Корее и там растрачивает теперь свой военный престиж и моральный авторитет*… Кроме того, ясно, что Соединенные Штаты Америки *отвлечены теперь от Европы на Дальнем Востоке.* Даёт ли всё это нам плюс с точки зрения баланса мировых сил? Безусловно, даёт. Во-первых, *Америка, как и любое другое государство, не может справиться с Китаем* (заметим, что КНР еще не вступила в военный конфликт с США, но И.В. Сталин уже считал его неизбежным – А.С.), имеющим наготове большие вооружённые силы. Стало быть, Америка должна надорваться в этой борьбе. Во-вторых, надорвавшись на этом деле, *Америка будет неспособна в ближайшее время на третью мировую войну.* Стало быть, третья мировая война будет отложена на неопределённый срок, что обеспечит необходимое время для укрепления социализма в Европе. Я уже не говорю о том, что борьба Америки с Китаем должна будет революционизировать всю Дальневосточную Азию» [6. Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 62. – Л. 71 – 72].

Еще одним аргументом, подтверждающим использование территории Кореи Советским Союзом как плацдарма военного столкновения между США и КНР является то, что, несмотря на очень тесные военные контакты с КНДР, план нападения на Южную Корею не обсуждался в советском генштабе (в отличие от плана захвата Тайваня). Военный план Ким Ир Сена был разработан лишь при участии советского военного советника в КНДР – генерал-лейтенанта Н.А. Васильева [3. Ф. 45. – Оп. 1. – Д. 346. – Л. 94].

Далее, в период войны на территорию Кореи не был послан ни один из известных полководцев СССР, более того, все советники были убраны из звена полк-батальон [3. Ф. 45. – Оп. 1. – Д. 246. – Л. 145 – 147]. Кроме того, когда 27 июня войска КНДР взяли Сеул, и генерал Н.А. Васильев захотел выехать туда, чтобы помочь военному командованию Северной Кореи в управлении войсками, то Москва не дала ему разрешение на это. За весь период войны советские военные советники так ни разу и не пересекли 38-ю параллель.

Вряд ли это можно объяснить только боязнью И.В. Сталина, что советские советники попадут в плен, хотя пленение военных советников вещь сама по себе не очень приятная. Здесь кроется другая причина. И.В. Сталина устраивал вариант как можно более быстрого втягивания в войну США и КНР, а в то, что это должно случиться, глава СССР, как говорилось выше, был уверен.

25 июня началась Корейская война, а уже 27 июня американская авиация начала бомбардировки позиций северокорейских войск. 1 июля подразделения Корейской народной армии (КНА) уже завязали бой с американскими войсками. В это время, когда, казалось, ничего не говорило о возможном поражении КНА, 5 июля Сталин дает указание советскому послу в КНДР Т.Ф. Штыкову потребовать от Ким Ир Сена составить предварительный план возможного отхода корейских войск за линию 38-й параллели, если войска ООН предпримут контрнаступление. В этот же день советский лидер отправил в Китай телеграмму следующего содержания: «Считаем правильным, чтобы немедленно сосредоточить 9 китайских дивизий на китайско-корейской границе для волонтерских действий в Северной Корее в случае перехода противником 38-й параллели. Мы постараемся обеспечить авиационное прикрытие этих частей» [6. Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 334. – Л. 79]. Заметим, что указания даются в период наибольших успехов КНА (20 июля была окружена и уничтожена 24-я дивизия США). Исходя из выше сказанного можно сделать вывод, что И.В. Сталин был абсолютно уверен в том, что США разгромят КНА и выйдут к границе КНР, а значит она будет вынуждена вступить в войну. Все просьбы корейцев разрешить использование советских военных советников южнее 38-й параллели наталкивались на упорное сопротивление советского лидера [10. С. 83 – 85].

Весьма странной выглядит позиция и самих военных советников в период начала сентября 1950 г., когда готовилась высадка десанта ООН в Инчхоне. Посол СССР в КНДР Т.Ф. Штыков, например, даже предлагал привлечь к суду автора заметки в «Правде» о возможности высадки там американцев. 27 сентября И.В. Сталин в своей телеграмме советскому послу в Корее достаточно подробно разобрал все тактические ошибки советских военных советников, но никто из них, кроме Т.Ф. Штыкова, не пострадал, а генерал Н.А. Васильев, который, согласно указаниям Москвы, должен был согласовывать с ним свои действия, оставался на должности военного атташе до 22 мая 1951 г. [18. Ф. 40. – Оп. 178435. – Д. 14. – Л. 8, 10].

И, наконец, в телеграмме от 1 октября 1950 г. глава СССР дает тактические указания (впервые за всю войну такие подробные) о том, как необходимо вести отступление [18. Ф. 5. – Оп. 918795. – Д. 134. – Л. 73 – 74]. При знакомстве с этой директивой можно сделать вывод, что И.В. Сталиным либо специально подбирались такие советники, которые не способны были грамотно организовать ведение боевых действий, и в разгар боевых действий он из Кремля лично проводит с ними занятия по тактической подготовке на уровне военного училища, либо их действия были строго ограничены инструкциями Москвы. Поскольку И.В. Сталин всегда уделял огромное внимание подбору кадров, это как раз убеждает нас в том, что в КНА действия советских военных советников были весьма ограниченными [19. С. 138 – 139].

Вступление в войну США коренным образом изменило военную ситуацию в Корее. Разгром КНА и быстрое приближение войск ООН к границе КНР заставили, как и предполагал И.В. Сталин, КНР оказать военную помощь Северной Корее и, тем самым, фактически вступить в войну с Соединенными Штатами.

Таким образом, на основании изученных документов можно сделать вывод, что Корейская война в военно-политическом смысле была выгодна СССР при любом развитии событий. И.В. Сталин не только полагал, что США обязательно ввяжутся в эту войну, но и считал это небесполезным для Советского государства. Более того, глава СССР предпринимал определенные усилия в этом направлении. В результате, США вступили в длительную и изнуряющую войну, из которой они вышли без особого позора только потому, что в марте 1953 г. умер И.В. Сталин.

Литература и источники:

1. Самохин, А. В. Изменение геополитической ситуации на Дальнем Востоке в 1945 – 1947 гг. Начало противостояния СССР и США / А. В. Самохин // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века : материалы Международной научной конференции 22 – 23 октября 2002 г. – Хабаровск, 2002. – С. 186 – 189 ; Китай в системе военно-политического противостояния СССР и США на Дальнем востоке 1945 – 1950 гг. / А. В. Самохин // Дальний Восток: наука, образование. XXI век. IV Крушановские чтения : материалы III международной научно-практической конференции. – Комсомольск-на-Амуре, 2005. – С. 323 – 331.

2. Самохин, А. В. Советская военная помощь КПК в период 1945 – 1946 гг. / А.В. Самохин // Россия и АТР. – 2007. – № 3. – С. 61 – 66 ; Военная и экономическая помощь СССР КПК в свете военно-политического противостояния с США (декабрь 1946 – 1947 гг.) / А.В. Самохин // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР : материалы Международной научно-практической конференции. В 2 частях. Часть 2. – Комсомольск-на-Амуре, 2006. – С. 245 –

251 ; Советская военно-экономическая помощь Коммунистической партии Китая в 1948 г. и ее роль в военно-политическом противостоянии с США / А. В. Самохин // Третьи архивные научные чтения имени В.И. Чернышевой : материалы Межрегиональной научно-практической конференции «История развития региона в документальных источниках». – Хабаровск : Издательство «РИОТИП», 2008. – С. 174 – 182 ; Военная и экономическая помощь Советского Союза КПК в 1949 г. / А. В. Самохин // Власть и управление на Востоке России. – 2009 г. – №. 4. – С. 88 – 93.

3. Архив Президента РФ.

4. Российский государственный архив экономики.

5. Архив внешней политики РФ.

6. Российский государственный архив социально-политической истории.

7. Пыжиков, А. В. Рождение сверхдержавы. 1945 – 1953 годы / А. В. Пыжиков. – М., 2002.

8. Дороговоз, И. Г. Необъявленные войны СССР / И. Г. Дороговоз. – Мн., 2004.

9. Ледовский, А. М. Сталин, Мао Цзэдун и корейская война 1950 – 1953 / А. М. Ледовский // Новая и Новейшая история. – 2005. – № 5.

10. Орлов, А. С. Тайны корейской войны / А. С. Орлов. – М., 2003.

11. Торкунов, А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950 – 1953 гг. / А. В. Торкунов. – М., 2000.

12. Попов, И. М. К вопросу о вступлении Китая в войну в Корее / И. М. Попов // Война в Корее 1950 – 1953 гг.: взгляд через 50 лет. – М., 2001.

13. Уткин, А. И. Мировая «холодная война» / А. И. Уткин. – М., 2005.

14. Война в Корее. – СПб., 2000.

15. Красная звезда. – 1992. – 14 августа.

16. Славинский, Б. Н. Корейская война 1950 – 1953 гг.: современное переосмысление / Б. Н. Славинский // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 2.

17. Громыко, А. А. Памятное. Книга первая / А. А. Громыко. – М., 1988.

18. Центральный архив министерства обороны.

19. Обухов, А. Записки военного советника / А. Обухов // Интернационалисты. – Смоленск, 2001.